

DOI: 10.15514/ISPRAS-2025-37(6)-12

Тюрко-монгольские параллели в лексике материальной культуры тюркских языков Урало-Поволжья (на материале названий мастей лошади)

Р.Т. Муратова, ORCID: 0000-0003-4223-0675 <bairima@yandex.ru>

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук,
Россия, 450054, г. Уфа, пр. Октября, д. 71.*

Аннотация. В статье рассматриваются названия мастей лошади, которые имеют лексические параллели в тюркских языках Урало-Поволжья и монгольских языках. Исследования проводились с учетом данных по этимологии и лексикологии тюркских и монгольских языков. Предпринималась попытка выявления ареалов распространения отдельных лексем. Поиск этимологий и картографирование проводились на лингвистической платформе ЛингвоДок. Выявлены следующие особенности тюрко-монгольских параллелей цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья: во-первых, часть общих для тюркских языков Урало-Поволжья и монгольских языков лексем для обозначения цвета являются родственными на генетическом уровне, происхождение которых восходит к праалтайским формам; во-вторых, в монгольских языках встречаются тюркские, в тюркских языках монгольские заимствованные названия цвета. Установлено, что в тюркских языках Урало-Поволжья монгольские заимствованные цветообозначения являются главным образом названиями мастей лошади, в то время как в монгольских языках тюркские заимствования могут обозначать как масть животных, так и цвет в целом.

Ключевые слова: тюркские языки Урало-Поволжья; тюрко-монгольские лексические параллели; лексика материальной культуры; названия мастей лошади; лингвистическое картографирование; лингвистическая платформа ЛингвоДок.

Для цитирования: Муратова Р.Т. Тюрко-монгольские параллели в лексике материальной культуры тюркских языков Урало-Поволжья (на материале названий мастей лошади). Труды ИСП РАН, том 37, вып. 6, часть 1, 2025 г., стр. 193–202. DOI: 10.15514/ISPRAS–2025–37(6)–12.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01562. Результаты получены с использованием услуг Центра коллективного пользования Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН – ЦКП ИСП РАН.

Turkic-Mongolian parallels in the vocabulary of the material culture of the Turkic languages of the Ural-Volga region (based on the names of horse colors)

R.T. Muratova, ORCID: 0000-0003-4223-0675 <bairima@yandex.ru>

*Institute for History, Language and Literature
Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences,
71, prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, Russia.*

Abstract. The article discusses the names of horse breeds that have lexical parallels in the Turkic languages of the Ural-Volga region and the Mongolian languages. The research was conducted based on data on the etymology and lexicology of the Turkic and Mongolian languages. An attempt was made to identify the distribution areas of individual lexemes. The search for etymologies and mapping were conducted using the linguistic platform LingvoDoc. The following features of the Turkic-Mongolian parallels of color designations in the Turkic languages of the Ural-Volga region have been identified: first, some of the color designations common to the Turkic languages of the Ural-Volga region and the Mongolian languages are genetically related and originate from the Proto-Altaic forms; second, the Mongolian languages contain Turkic and the Turkic languages contain Mongolian borrowed color names. It has been established that in the Turkic languages of the Ural-Volga region, Mongolian borrowings (color names) are mainly names of horse colors, while in the Mongolian languages, Turkic borrowings can refer to both animal's colors and colors.

Keywords: Turkic languages of the Ural-Volga region; Turkic-Mongolian lexical parallels; vocabulary of material culture; names of horse colors; linguistic mapping; linguistic platform LingvoDoc.

For citation: Muratova R.T. Turkic-Mongolian parallels in the vocabulary of the material culture of the Turkic languages of the Ural-Volga region (based on the names of horse colors). *Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS*, vol. 37, issue 6, part 1, 2025, pp. 193-202 (in Russian). DOI: 10.15514/ISPRAS-2025-37(6)-12.

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-28-01562. The results were obtained using the services of the Ivannikov Institute for System Programming (ISP RAS) Data Center.

1. Введение

Ученые насчитывают в лексике тюркских и монгольских языков до 25 % общих элементов [1: 351]. Одной из проблем монголистики и тюркологии является разграничение общего наследия, древних и более поздних заимствований. Другими словами, при изучении лексических параллелей, встречающихся в двух языковых семьях, необходимо иметь в виду, что они могут либо восходить к общим алтайским корням, либо являться древними (на пратюркском, прамонгольском уровне) или более поздними заимствованиями в тюркских / монгольских языках. В данной статье рассмотрим названия мастей лошади, которые имеют лексические параллели в тюркских языках Урало-Поволжья и монгольских языках, и попытаемся выяснить среди них лексемы общего наследия и заимствованные названия.

2. К вопросу о лексических элементах общего наследия и заимствованиях в тюркских и монгольских языках

2.1 О лексических элементах общего наследия

Лексические элементы общего наследия в тюркских и монгольских языках связываются с алтайской гипотезой. Гипотеза о характере родства алтайских языков, в частности, тюркских и монгольских, была выдвинута в XVIII в. Ф.И. Страленбергом, который «представил первую классификацию уральских (угро-финских и самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусских) языков» [2: 29].

Позже урало-алтайская теория в различных ее вариантах получила признание у многих исследователей уральских и алтайских языков, которые рассматривают фонетические и лексические соответствия в разных языках как наследие от одного языка-основы, то есть от общего предка [3-7].

В.М. Иллич-Свитыч отмечал весьма отдаленное родство трех алтайских групп – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской [8]. В.И. Цинциус впервые высказала мысль о возможности реконструкции лексики алтайских языков по лексико-семантическим группам [9].

Одной из самых трудных проблем в этом вопросе является разграничение общего наследия и древних заимствований. В связи с этим А. Рона-Таш приводит несколько аргументов, среди которых наиболее важными являются следующие:

- этимологический аргумент (если слово встречается в языках А и Б в регулярно соответствующих формах, но в языке А для него нет этимологии, тогда как его основа может быть найдена в языке Б, то это, скорее всего, заимствование в языке А из языка Б);
- семантико-исторический аргумент (если слово встречается в языках А и Б в регулярно соответствующих формах, но имеет только одно конкретное или специализированное значение в языке А и в то же время гораздо более широкий круг значений в языке Б, то, вероятнее всего, что язык А заимствовал его из языка Б, хотя, возможно, что вторичное ограничение значения могло произойти на почве языка А);
- аргумент основного словарного фонда (чем больше соответствий может быть найдено в основном словарном фонде языков А и Б, тем больше возможность их генетического родства);
- культурно-исторический аргумент (если данный комплекс терминов культуры, экономики и социальной истории совпадает в языках А и Б и если этот комплекс начал существовать позже, то можно предположить, что рассматриваемая терминология была заимствована или в языке А, или в языке Б, или же в обоих этих языках) [10].

А.В. Дыбо, подчеркивая сложность изучения пратюркско-монгольских заимствований, отмечает, что алтайская этимология еще не настолько разработана, чтобы отделять такие заимствования от слов, представляющих собой алтайские этимологические параллели: «К пратюркским заимствованиям в прамонгольский язык – из лексики, которая не допускает интерпретации как заимствованная из древнетюркского в старомонгольский или среднемонгольский – могут относиться лишь те случаи, когда рассматриваемое прамонгольское слово содержит характерный тюркский морфологический / словообразовательный признак (доказать наличие таковых при, мягко говоря, неполном описании монгольской исторической морфонологии и словообразования нелегко) или для пратюркского слова имеется альтернативное монгольское сближение, для которого гипотеза о заимствовании менее вероятна из-за сильных поверхностных фонетических различий. Прамонгольские заимствования в пратюркский должны удовлетворять тем же критериям» [11: 181–182].

Отметим, что А.В. Дыбо впервые разработала методику семантической реконструкции наименований частей тела (плечевой пояс), одним из ценных достижений которой являются номинационные решетки по материалам тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков с опорой на нестратигическую теорию. Суть её исследования состоит в том, что «реконструкция лексики праязыка должна включать в реконструкцию первоначальных значений слов и объяснение изменений этих значений» [12].

В.И. Рассадин также предлагает рассматривать монгольские заимствования в различных тюркских языках как результат древнейших и разнообразных контактов алтайских народов [13].

2.2 О заимствованной лексике в тюркских и монгольских языках

Заимствованный пласт лексики также требует пристального внимания. Различаются ранние и поздние заимствования. Считается, что наиболее ранние из предполагаемых монгольских заимствований в тюркские языки оказываются заимствованными в общетюркский язык после отпадения булгарской ветви. Ранние монгольские заимствования в основном характерны для всех подгрупп тюркских языков.

Кроме общих для всех тюркских языков монголизмов, в тех или иных языках имеются более поздние заимствования. Например, анализ общих лексических единиц в башкирском и монгольском языках позволил Э.Ф. Ишбердину выделить несколько критериев, способствующих выявлению заимствований. Одним из важных критериев выделения поздних заимствований является определение степени распространения общих лексических единиц в башкирских говорах, в современных тюркских языках, а также в древних письменных памятниках. Для определения степени ареальной распространенности монголизмов Э.Ф. Ишбердин выбрал лингвогеографический метод. Нанесение на карты некоторых слов, общих для башкирского и монгольского языков, позволило сделать вывод о том, что «эти поздние заимствования в башкирских говорах распространены в основном в южных и восточных зонах территории, заселенной башкирами» [14: 32].

Исследователем отмечаются взаимодействие и взаимовлияние тюркских и монгольских народов: «Предварительное сравнение общих для тюркских и монгольских языков лексических единиц показывает, что из тюркских языков башкирский, татарский, казахский, киргизский, каракалпакский и в своеобразной форме чувашский стоят обособленно по степени усвоения монгольских слов. Кроме общих для всех тюркских языков монголизмов, в указанных языках имеются явные заимствования, видимо, более поздние, из монгольского и калмыцкого языков. Это могло быть результатом влияния монгольского языка в период монголо-татарского нашествия в XIII–XIV вв.» [14: 33].

Таким образом, несмотря на сложность и труднорешаемость вопроса разграничения общеалтайской лексики и древних заимствований, ученые делают небезуспешные попытки выявления общего и заимствованного пласта лексики в тюркских и монгольских языках.

3. Тюрко-монгольские параллели цветообозначений в тюркских и монгольских языках

3.1 Названия, родственные на генетическом уровне

Необходимо отметить, что среди цветообозначений также много общих тюркских и монгольских слов: одни из них – названия, родственные на генетическом уровне, другие – заимствования из монгольских в тюркских языках или заимствования из тюркских в монгольских языках.

К родственным словам на генетическом уровне можно отнести следующие цветообозначения, встречающиеся в тюркских и монгольских языках в близких значениях и восходящие к алтайским праформам:

- ПА **kàru* ‘черный’: ПТю. **Kara* ‘черный’ / ПМо. **kara* ‘черный’;
- ПА **sĭājri* ‘белый, желтый’: ПТю. **sĭārĭg* ‘желтый, белый’ / ПМо. **sĭra* ‘желтый’;
- ПА **kōk’e* ‘синий, зеленый’: ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ / ПМо. **kōke* ‘синий, зеленый’;
- ПА **kōŋa* ‘коричневый, черный’: ПТю. **Koŋur* ‘бурый’ / ПМо. **koŋ-* ‘светло-коричневый’;
- ПА **ālv* ‘пестрый’: ПТю. **āla* ‘пестрый’ / ПМо. **ala-g* ‘пестрый’;
- ПА **bořV* ‘серый’: ПТю. **boř* ‘серый’ / ПМо. **boro* ‘серый’;

- ПА **šor'é* ‘веснушки, пятна’: ПТю. **šorur*, **šar-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’ / ПМо. **šob*, **šow-kur* ‘пятнышко, веснушка; пятнистый, пестрый’ [15-16].

3.2 Тюркские заимствования в монгольских языках

К тюркским заимствованиям в монгольских языках относятся следующие цветообозначения:

- ПТю. **jegre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ > монг.: халх.-монг. *зээрд*, бур. *зээрдэ*, калм. *зеерд*, даг. *джэрдэ* ‘рыжий (о лошади)’ / халх.-монг. *зээрэн*, бур. *зээрэн*, калм. *зеерн*, даг. *джэрэн* ‘антилопа, серна, джейран’;
- ПТю. **Kula* ‘желтый, саврасый’ > монг.: халх.-монг., калм. *хул* ‘саврасый’, бур. *хула* ‘саврасый’;
- ПТю. **āl* ‘серый, седой’ > монг.: калм. *цал*, халх.-монг. *цал буурал* ‘седой, чалый’;
- ПТю. **Kuba* / **Koba* ‘желтоватый, сероватый’ > монг.: халх.-монг., бур. *ухаа*, *хуа*, *хуаа* ‘каурый (о масти лошади); светло-коричневый (о цвете)’; калм. *хо*, *хоо* ‘светло-жёлтый, соловый (о масти лошади); коричнево-желтый (о цвете)’;
- ПТю. **āl* ‘алый, розовый’ > монг.: калм. *al* ‘уст. светло-красный’, халх.-монг. *ал* ‘красный’;
- ПТю. **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’ > монг.: халх.-монг. *цэхэр*, бур. *сэхир* ‘светло-серый’; бур. *сахир*, калм. *цэкр* ‘белесый, бледный’ [15-16].

3.3 Монгольские заимствования в тюркских языках Урало-Поволжья

Относительно заимствований из монгольских языков в тюркские А.М. Щербак отмечает, что «речь должна идти главным образом об относительно поздних заимствованиях (после XIII в.) из монгольских языков в тюркские» [17: 29].

В тюркских языках монгольские заимствования распространены неравномерно: самое большое количество монголизмов выявлено в сибирских тюркских языках (якутский, тувинский, алтайский, хакаский, шорский); далее – в кыпчакских языках арало-каспийского ареала (киргизский, казахский, каракалпакский, ногайский); в кыпчакских языках Урало-Поволжья (башкирский, татарский) их меньше, чем в первых двух группах [13: 77; 18: 334-335].

Цветообозначения в тюркских языках Урало-Поволжья, заимствованные из монгольских языков, отражают тесную взаимосвязь между тюркскими и монгольскими народами и составляют в основном названия мастей лошади.

В тюркских языках Урало-Поволжья следующие цветообозначения / названия мастей лошади являются монголизмами:

- башк., тат. *көрән*, чув. *кёре*, *кёрен* (тат. заимств.) ‘коричневый, бурый’, башк. диал. ‘фиолетовый’ < монг. < ПМо. **küre-* (**küri*) ‘коричневый, бурый’ < ПА **k'iyü* ‘красный; коричневый, темный’ (отметим, что эта лексема встречается во всех подгруппах тюркских языков);
- башк., тат. *сантар*, тат. *чантар*, чув. *чунтар* ‘игренивый’ (тат. заимств.) < монг. < ПМо. **čabidar* ‘желтоватый, игренивый’ < ПА **č'ura* ‘серый’ (эта лексема встречается также в кыпчакских, киргизско-кыпчакских и уйгуро-огузских подгруппах тюркских языков);
- башк. *бурыл* ‘чалый, серый’, тат. *бурлы* ‘чалый, серый’, чув. *пурлă* ‘бурый, чалый’, *пăврлă* ‘сероватый, чалый, буланый’ < монг. < ПМо. **buγurul* ‘серый, седой’ < ПА **baγu* ‘белый, серый’ (эта лексема встречается во всех подгруппах тюркских языков);

- башк., тат. *бүртә* ‘караковый’ < позднемонг. *börtü* ≈ *börte* ‘пестрый, с пятнами, пестрый, в крапинку; серый’ (эта лексема встречается также в сиб.-тат., кирг., уйг. языках);
- башк., тат. *кир* ‘мухортый’ < монг. < ПМо. **kehere* (эта лексема встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской);
- башк. *тарлан* ‘серый, сивый с примесью другого цвета’, тат. *тарлан* ‘чёрно-пятнистый, сивый с жёлтыми пятнами (о лошади) < монг. *тарлан* ‘пестрый, крапчатый; пятнистый’ (о крупном рогатом скоте, птицах) (эта лексема также встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской и огузской).

Итак, в тюркских языках Урало-Поволжья из 6 монгольских заимствований 5 наименований являются названиями мастей лошади. Вместе с тем название неспектрального цвета *көрән* ‘коричневый’, которое входит в активный словарный запас этих языков, изначально также обозначало бурю масть лошади.

Из всех монголизмов-цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья три лексемы встречаются во всех тюркских языках Урало-Поволжья, два из которых в чувашском являются заимствованием через татарский язык. Три названия масти лошади встречаются только в кыпчакских языках Урало-Поволжья. Этот факт, во-первых, подтверждает предположения ученых о том, что монголизмы в тюркских языках в основном появились после отделения болгар (так как в чувашском языке они являются заимствованиями через татарский язык); во-вторых, позволяет рассуждать о более раннем характере заимствований, связанный со скотоводческим образом тюрко-монгольских контактов, тогда как более поздние монгольские заимствования в тюркских языках других ареалов являются названиями цвета вообще (напр., алт. *ногон*, тув. *ногаан*, хак. *ноган* ‘зеленый’ < монг. < ПМо. **nogoγan* ‘зеленый’).

4. Монголизмы в тюркских языках Урало-Поволжья на фоне других тюркских языков (на примере названия масти *көрән* ‘бурый’)

Монголизмы в тюркских языках Урало-Поволжья характерны для всех тюркских языков или представляют собой ареальное явление? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере лексемы *көрән* ‘коричневый, бурый’, разместив на карте ареалы ее распространения в тюркских языках.

В современных тюркских языках и их диалектах слово *көрән* наблюдается в следующих фонетических вариациях: башк., тат., сиб.-тат. *көрән*, ног. *куьрен*, аз. *kürān*, каз. *күрең*, алт., туб., куманд. *күрен*, телеут. *күрүн*, хак., шор. *күрең*, уйг. *күрәң*, кирг. *күрөң*, кум. *гюрен*, ккалп. *гүрең*, тур. диал. *küpen*, туркм. диал. *күрөң*, узб. диал. *күрәң*, тув. *хүрең*, тоф. *һүрең*, як. *күрэн* / *күрүн*, чув. *кёре*, *кёрен* (тат. заимств.).

Во всех языках слово имеет значение – ‘масть лошади (бурый, карий, гнедой, рыжий, саврасый)’. В башк., тат., сиб.-тат., хак., тув., шор., алт. языках данное слово также употребляется как основная лексема для обозначения коричневого цвета.

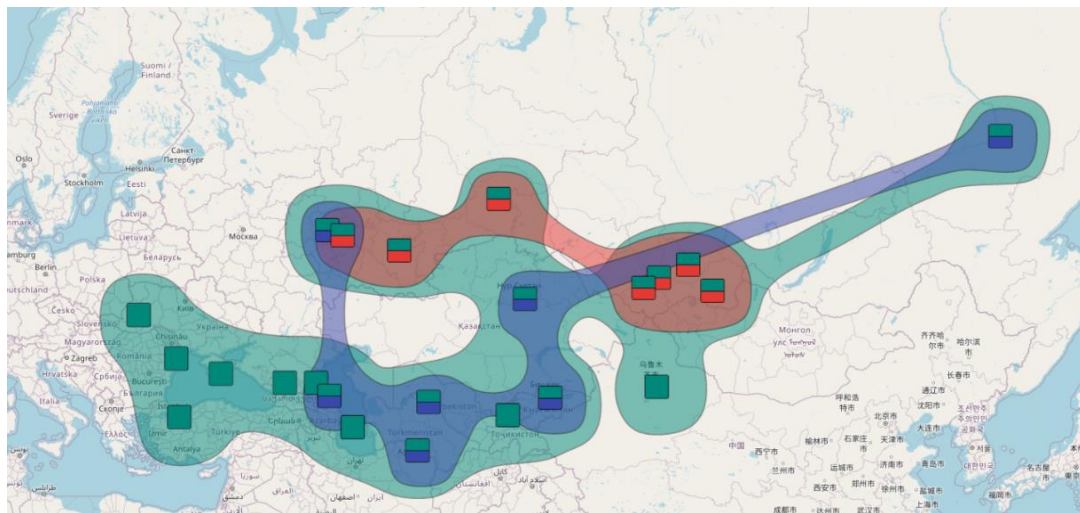
В ряде тюркских языков (каз., ккалп., кум., кирг., туркм., як.) основной лексемой для коричневого цвета являются рефлексy ПТю. **Коңур*, в них *küren* употребляется лишь для обозначения масти лошади.

Отметим на карте те языки, в которых лексемами-доминантами для обозначения коричневого цвета являются рефлексy ПТю. **Коңур* или монгольское заимствование *küren* (карта 1).

Карта показывает, что рефлекс пратюркской лексемы **Коңур* ‘бурый’ в качестве лексемы-доминанты для коричневого употребляется в чувашском, якутском, а также кыпчакских языках Средней Азии, монгольское *küren* – в кыпчакских языках Урало-Поволжья и сибирских тюркских языках (кроме якутского).

В остальных тюркских языках – в карлукских и огузских и некоторых кыпчакских языках Кавказа, которые находятся по краям ареала распространения тюркских языков, обе лексемы не являются основными для обозначения коричневого цвета. В этом ареале коричневый цвет представлен другими лексемами, например: ног. *моры* (< возможно, инд.-евр.), аз. *darçını* ‘букв. цвета корицы’, тур. *kahverengi* ‘букв. цвета кофе’, узб. *жигар ранг* ‘темно-коричневый, букв. цвета печени’, уйг. *бегирән* ‘букв. цвета печени’.

Таким образом, лексема *көрән* в разных фонетических вариантах распространена во всех подгруппах тюркских языков (в чувашском – заимствование из тат.). Вместе с тем, *көрән* как лексема-доминанта для обозначения коричневого цвета получило широкое распространение в кыпчакских языках Урало-Поволжья и сибирских тюркских языках, оставляя за исконным тюркским словом **Коңур* ‘бурый’ обозначение мастей животных (кроме лошади) и цвета некоторых других предметов (например, цвета глаз, волос, кожи).

Условные обозначения:

- ареал распространения тюркских языков
- ареал распространения лексемы-доминанты **Коңур* ‘бурый’ для обозначения коричневого цвета в тюркских языках (ккалп. *қоңыр*, каз. *қоңыр*, кирг. *коңур*, кум. *кьонгур*, туркм. *гоңур*, як. *хонгор*, чув. *хăмӑр*)
- ареал распространения лексемы-доминанты *küren* ‘коричневый’ для обозначения коричневого цвета в тюркских языках (башк. *көрән*, тат. *көрән*, сиб.-тат. *көрән*, алт. *күрен*, хак. *күрең*, тув. *хүрең*, шор. *күрең*)

Карта 1. Распространение лексем-доминант *küren* ‘коричневый’ и **Коңур* ‘бурый’ для обозначения коричневого цвета в тюркских языках (карта составлена на платформе Лингводок [lingvodoc.ispras.ru]).

Cart. 1. The distribution of dominant lexemes *küren* ‘brown’ and **Koңur* ‘brown’ to denote brown in the Turkic languages (the map was created on the Lingvodok platform [lingvodoc.ispras.ru]).

5. Заключение

Итак, мы можем наблюдать следующие особенности тюрко-монгольских параллелей цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья:

- Во-первых, часть общих для тюркских языков Урало-Поволжья и монгольских языков лексем для обозначения цвета, являются родственными на генетическом уровне, происхождение которых восходит к праалтайским формам. Это связано с

тем, что цветообозначения восходят к более глубокому, протоязыковому состоянию общетюркского праязыка, когда происходило формирование многих семантических и формальных категорий.

- Во-вторых, в монгольских языках встречаются тюркские, в тюркских языках монгольские заимствованные названия цвета. В тюркских Урало-Поволжья монгольские заимствования-цветообозначения являются главным образом названиями мастей лошади, в то время как в монгольских языках тюркские заимствования могут обозначать как масть лошади, так и цвет в целом.

То есть, мы на примере тюрко-монгольских параллелей цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья, основываясь на этимологических сведениях и лингвогеографических данных, полученных в результате обработки на платформе ЛингвоДок, подтвердили предположения ученых о том, что монголизмы в тюркских языках в основном появились после отделения булгар (так как в чувашском языке они являются заимствованиями через татарский язык). Также выявлено, что монголизмы-цветообозначения в тюркских языках Урало-Поволжья являются главным образом названиями мастей лошади, что дает возможность предположить древний характер заимствований, связанный со скотоводческим кочевым образом тюрко-монгольских контактов.

Дополнительные сведения о проведенном исследовании можно получить на сайте Российского научного фонда [19].

Список сокращений

диал.	диалект	инд.-евр.	индоевропейские
аз.	азербайджанский	ПТю.	пратюркский
алт.	Алтайский	сиб.-тат.	сибирскотатарский
башк.	башкирский	тат.	татарский
бур.	Бурятский	телеут.	телеутский
гаг.	Гагаузский	тоф.	тофаларский
даг.	Дагурский	туб.	тубинский
калм.	Калмыцкий	тув.	тувинский
каз.	Казахский	тур.	турецкий
кирг.	Киргизский	туркм.	туркменский
ккалп.	каракалпакский	узб.	узбекский
кум.	Кумыкский	уйг.	уйгурский
куманд.	кумандинский	хак.	хакасский
монг.	монгольские	халх.-монг.	халха-монгольский
ног.	Ногайский	чув.	чувашский
ПА	праалтайский	шор.	шорский
ПМо.	прамонгольский	як.	якутский

Список литературы / References

[1]. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962. 371 с.
[2]. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. 135 с.
[3]. Владимирцов Б.Я. Работы по монгольскому языкознанию. М., 2005. 952 с.
[4]. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. 376 с.
[5]. Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. 623 с.
[6]. Поппе Н.Н. Урало-алтайская теория в свете советского языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3.
[7]. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. 254 с.
[8]. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b–K). М., 1971. 370 с.
[9]. Цинциус В.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков //

Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. с. 3–17.

- [10]. Рона-Таш Л. Общее наследие или заимствования // Вопросы языкознания. 1974. № 2, с. 31–45.
- [11]. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М., 2007. 223 с.
- [12]. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. 390 с.
- [13]. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980. 115 с.
- [14]. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986. 152 с.
- [15]. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.
- [16]. Дыбо А.В. Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013. 616 с.
- [17]. Щербак А.М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005. 195 с.
- [18]. Малышева Н.В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты). Диссертация ... доктора филол. наук. М., 2024. 503 с.
- [19]. https://rscf.ru/project/WZWMHOTCvZoL_M4iqcaoPGhlpxUVkjZXRKlawWxYF_vAIRJYfXAdMvN5feFJpIx3MFpsf5cg/, дата обращения: 14.09.2025 г.

Информация об авторах / Information about authors

Римма Талгатовна МУРАТОВА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Сфера научных интересов: башкирский язык, тюркские языки, языки Урало-Поволжья, лексикология, этнолингвистика, компьютерная лингвистика, лингвогеография.

Rimma Talgatovna MURATOVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Linguistics, Order of the Badge of Honor, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. Area of scientific interests: Bashkir language, Turkic languages, languages of the Ural-Volga region, lexicology, ethnolinguistics, computer linguistics, linguistic geography.

